

Третьякова Татьяна Петровна, Цвинариа Марина Евгеньевна

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ЭПОСЕ "БЕОВУЛЬФ"

В статье проводится прагмалингвистическая интерпретация примеров позитивного речевого общения в эпосе "Беовульф" с целью описания его когнитивных и коммуникативных аспектов и выявления форм его выражения в древнеанглийском языке. Авторы обосновывают положение о том, что позитивное общение имеет ритуальный характер и отражает специфику исторически переходного периода создания памятника, а также делают предположение, что речевые ритуалы в "Беовульфе" могут рассматриваться как примеры формального "вежливого" общения в раннесредневековом англо-саксонском обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 177-180. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 276 с.
8. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 588 с.
9. Попова Т. В., Архипова Л. В., Баркова Т. П., Губанова Т. В., Посадская Н. Г., Шахова Л. А. Русский язык: учебное пособие для студентов-иностранцев подготовительного отделения: в 2-х ч. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО «ТГТУ», 2011. Ч. 2. 120 с.

THE ROLE OF PSEUDO-COMMUNICATIVE EXERCISES AT THE CLASSES OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN ONE

Tolmacheva Oksana Vasil'evna, Ph. D. in Philology
Tambov State Technical University
oxvt@rambler.ru

The article examines the system of exercises, used at the classes of the Russian language as a foreign one while learning grammar. A special attention is paid to the fact that grammar has an applied character. It is a tool with the help of which literate speech is organized. For the intensification of the process of transfer of theoretical knowledge to the sphere of practical application it is suggested using micro dialogues at the lessons, which concern the topical spheres of life for learners.

Key words and phrases: the Russian language as a foreign; grammar; grammatical skill; pseudo-communicative exercises; micro-dialogue.

УДК 8.1

Филологические науки

В статье проводится прагмалингвистическая интерпретация примеров позитивного речевого общения в эпосе «Беовульф» с целью описания его когнитивных и коммуникативных аспектов и выявления форм его выражения в древнеанглийском языке. Авторы обосновывают положение о том, что позитивное общение имеет ритуальный характер и отражает специфику исторически переходного периода создания памятника, а также делают предположение, что речевые ритуалы в «Беовульфе» могут рассматриваться как примеры формального «вежливого» общения в раннесредневековом англо-саксонском обществе.

Ключевые слова и фразы: «Беовульф»; историческая прагматика; прагмалингвистический аспект; позитивное общение; речевой ритуал; распознавательная и почтительная вежливость.

Третьякова Татьяна Петровна, д. филол. н., профессор

Цвинариа Марина Евгеньевна, к. филол. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет
treyakova.tp50@gmail.com; marina.tsvinaria@yandex.ru

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ЭПОСЕ «БЕОВУЛЬФ»[©]

В соответствии с принципами исторической прагматики, трактующей тексты письменных памятников как единственные доступные для исследования образцы речи того или иного периода истории языка [5, р. 5-6], речевые эпизоды в англо-саксонском эпосе «Беовульф» рассматриваются в данном исследовании как примеры вербальной коммуникации. Особенностью данного памятника, вызывающей определенные трудности для его изучения в плане прагматической трактовки, является известный дуализм, или двуголосье поэтического слова, вызывающее возможность его неоднозначной смысловой трактовки [2, р. 17; 9, р. 29]. Идеинная двойственность поэмы отражает исторически переходный в сознании и культуре англо-саксов период создания письменного текста (вторая половина X века), долгие века до этого существовавшего в изустной форме как общегерманский героический эпос. С одной стороны, в диалогах, монологах, а также авторских комментариях, обращенных к слушателям / читателям поэмы, можно найти черты, уходящие корнями в героическую эпоху с соответствующими ей ценностями, а с другой, признаки новой, зарождающейся в недрах англо-саксонского общества и отвечающей его потребностям христианской культуры.

Отличительной чертой содержания и способов презентации речей персонажей поэмы является их ритуальный характер. «Ритуал – это, с одной стороны, система речевых действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время; с другой, главный механизм коллективной памяти, регулирующий социальную жизнь общества. Основные функции ритуала связаны со снятием агрессии, обозначением круга “своих” и отторжением круга “чужих”. Ритуал – важное средство поддержание общих норм и ценностей народа» [1, с. 60]. Ритуальные речи в «Беовульфе», такие как похвальба (*gylpword* – букв. хвасторечь), словесное превознесение вождя или героя, воспевание доблести предков, формальные

[©] Третьякова Т. П., Цвинариа М. Е., 2015

приветствия, обращения и пожелания пропитаны духом языческой эпохи. В них отражены ее основные аспекты: культ личной славы, жажда наград, восхищение силой, благородством и щедростью вождей, оправдание справедливой мести, обязательное исполнение своего предназначения (*wyrd* – судьба) и тому подобные ценности, составляющие ткань героического эпоса. Вплетенные в эпическое повествование, они являются благодатным материалом для исследования речевого поведения говорящих и их взаимодействия с адресатом с точки зрения выявления как устойчивых языковых компонентов их построения, так и прагматического наполнения, характеризующего тот или иной вербальный ритуал.

Интерпретация ритуала предполагает создание проекции коммуникативной ситуации удаленной от нас эпохи и учет на основании существующих текстов возможной интерактивной схемы. Например, в англосаксонском обществе возможно выделить несколько социокультурных доминант ритуала, главной из которых является общение с вождем. Специфика этого вида коммуникации заключается в обязательном внесении в систему номинаций высокопоставленного лица его ценностных характеристик. Признавая, что эта традиция во многом определяется жанром героического эпоса, полагаем, что она дает возможность выявить также и элементы англосаксонской культуры общения. К ценностным номинациям относятся например, такие характеристики вождя как *beaga brytta* (352), *beag-gyfa* (1102); *sinces brytta* (1170) с общим значением «даритель сокровищ» [3, p. 16, 46, 50]; *goldwine gumena* (1171) – «щедрый друг людей» [Ibidem, p. 50]; *snotor guma* (1384), *se wisa* (1698) – «мудрый человек» [Ibidem, p. 59, 71]; *wisa fengel* (1400) – «мудрый господин» [Ibidem, p. 59] и др. В современном для создания поэмы мире, где на смену родовым связям постепенно приходит понятие не только родовой, но и дружеской и вассальной привязанности, актуальными терминами, отражающими положение человека в военно-аристократической среде, являются *eorl* (6) – «благородный воин» [Ibidem, p. 1]; *mæg* (408), *hyse* (1217), *cniht* (1219) – «молодой человек, воин» [Ibidem, p. 18, 52]; *cempa* (1312), *oretta* (1532), *oret-mecg* (332), *wiga* (2395), *wigend* (3099) – «герой, воин» [Ibidem, p. 15, 56, 64, 104, 132]; *gesid* (29), *degn* (194), *magō-degn* (408) *scealc* (918), *gædeling* (2617) – «соратник, товарищ, союзник, тан» [Ibidem, p. 2, 9, 18, 38, 112].

В то же время в тексте поэмы встречаются не только идентификационные номинации родовой или вассальной принадлежности, сопровождающие ритуалы общения, но и лексические единицы выражения дружеского расположения. Лексемы *freond* (915) – «друг» [Ibidem, p. 38] и *wine* (30) – «друг и господин» [Ibidem, p. 2] употребляются соответственно для обозначения позитивных, дружеских отношений среди сородичей и вне родовых связей. Так, Хродгар обращается к прибывшему к нему на помощь и службу Беовульфу *wine min Beowulf* (457) – «друг мой Беовульф» [Ibidem, p. 20] (а также *wine min* (2047) [Ibidem, p. 87]), где присутствие притяжательного местоимения *min* – «мой» подчеркивает личное расположение говорящего к адресату. Интересно, что различие понятий «*freond*» и «*wine*» отражено в производных от последнего *wine-magas* (65) – «друзья-сородичи, родственники и друзья, верные подданные» [Ibidem, p. 4]; *wine-dryhten / drihten* (360, 862, 2722) – «друг и господин» [Ibidem, p. 16, 36, 116]; *freo-wine folca* (430) – «благородный друг людей» [Ibidem, p. 19]. Наличие номинаций, связанных с дружеским расположением, позволяет говорить о том, что в коммуникативной норме англосаксонской эпохи появляется особый тип кодификации положительной тональности общения [11, p. 242].

Коммуникативно-прагматический анализ ритуальных номинаций в обращениях демонстрирует нарочито почтительное отношение говорящего к собеседнику как обязательное в ситуации официального общения проявление вежливости. Их использование способствует установлению позитивной тональности общения, выполняя, таким образом, не только идентификационную, но и регуляторную функцию в акте коммуникации. Таким образом, можно говорить о, в определенной степени, переключении фокуса внимания с чисто героических аспектов содержания известных номинаций к проявлению почтительного, «вежливого» оттенка общения, передающегося через вербальный ритуал восхваления героя или вождя, типичный для церемониальных приветствий, обращений или пожеланий в «Беовульфе». Выражение *mepelwordum frægn* (236) – «спросил церемонными словами» [3, p. 11] (*mepel-word* – «формальное слово» [Ibidem, p. 203]) является подтверждением того, что в англо-саксонском обществе, в котором создается письменный текст эпоса, уже существует представление о некоем этикете вербального общения, например, в ритуальной ситуации формальной встречи знатных чужеземцев:

Gewat him þa to warode wicge ridan / þegn Hroðgares, þrymum cwehte / mægen-wudu mundum, mepelwordum frægn: / «Hwæt syndon ge searo-habbendra / byrnum werede, þe þus brohte ceol / ofer lagu-stræte lædan cwomon / hider ofer holmas hringed stefnan» (234-240) [Ibidem, p. 10-11]. / Приблизился к ним тогда к берегу верхом на коне тан Хродгара, мощно копьё потрясал в руке, церемонными словами спросил: «Кто вы из в броню одетых воинов, дружина в кольчугах, которые большое судно привели, через морские пути пришли сюда, по волнам проведя украшенный золотыми кольцами корабль» (здесь и далее перевод автора – М. Ц.).

Обратим внимание на своеобразие данного приветствия, в котором наряду с определенной суровостью тона, соответствующей ситуации – страж берега датчан обязан проявить ее при встрече с незнакомым ему военным отрядом – присутствует почтительная интонация, выраженная в нарочитом, обдуманном упоминании о великолепии их корабля и военного снаряжения, их силе и смелости в преодолении трудностей морского похода. В самом вопросе, по сути, содержится ответ – на датский берег прибыли важные и благородные воины. Таким образом, тан датского конунга идентифицирует их как людей, имеющих высокую общественную ценность и заслуживающих соответствующего их статусу обращения. Цена человека, соответствующая его рангу, в англо-саксонском обществе имела важное значение для обеспечения, как пишет Д. Конен, «относительно нормального сосуществования» [7, p. 142].

Подобные примеры в терминах современной коммуникативной лингвистики могут быть описаны как «положительная вежливость», включая случаи нарочитого принижения себя при общении с вышестоящим лицом, или проявления «отрицательной вежливости» [4]. В историко-прагматическом аспекте более отвечающими положению дел в описываемый период являются, на наш взгляд, термины «почтительная вежливость» / *eference politeness* и «распознавательная вежливость» / *discernment politeness*, предложенные А. Юкером [6], в которых отражены соответственно «вежливый» и идентификационно-регулятивный оттенки ритуального общения в диахронии.

Помимо номинативной идентификации собеседника как вышестоящего или равного по статусу себе лица и выражения подобающего ему почтения и дружеских чувств с помощью указания на его могущество, славу, мудрость, щедрость и другие соответствующие героической эпохе достоинства и добродетели, в тексте «Беовульфа» можно выделить целые речевые эпизоды со сложной прагматической структурой, где наряду с обильным употреблением положительных номинаций адресата участвуют глагольные единицы, семантика и прагматика которых также способствуют реализации дружественно-почтительной тональности общения в контексте обращения с просьбой, дачи разрешения или обещания и произнесении пожеланий.

Одним из ярких примеров речевой реализации учтвого поведения Беовульфа и его дружины в начальных эпизодах поэмы, когда они ищут допуска ко двору датского конунга Хродгара, служит состоящий из нескольких этапов ритуал представления просьбы. Сначала Беовульф говорит о причине своего желания видеть Хродгара равным себе по положению датскому тану Вульфгару. Беовульф не скупится на похвалы в адрес предводителя датчан, а просьба о встрече с ним обставляется глаголами, передающими почтительно-смиранный характер обращения (*geunnan* / «пожаловать, желать»; *willan* / «хотеть»; *motan* / «разрешать»):

Wille ic asecgan sunu Healfdenes / mærum þeodne, min ærende, / aldre þinum, gif he us geunnan wile, / þæt we hine swa godne gretan moton (344-347) [3, p. 15]. / Я хотел бы рассказать сыну Блистательных Данов, могу-чему правителю, о своем поручении, если он пожелает нас милостью, чтобы мы его, такого доброго (человека), приветствовать могли бы.

Второй ступенью ритуала представления прибывших в страну знатных и дружественных датчанам воинов является передача их просьбы Вульфгаром самому правителю датчан. При этом вежливость ее тона даже усиливается. Сообщая Хродгару о прибытии высоких гостей, Вульфгар одобрительно отзывается об их блестящем внешнем виде и хороших манерах и просит своего господина проявить ответное великодушие и учтивость, дав свое согласие на встречу: Выражение *Hu benan synt* / «Они смиренно просят» призвано показать, что пришельцы ведут себя в соответствии с правилами речевого этикета, принятого при обращении к старшему или стоящему выше на иерархической лестнице лицу:

Hu benan synt, / þæt hie, þeoden min, wið þe moton / wordum wrixlan. No ðu him wearne geteoh / ðinra gegncwida, glædman Hroðgar (364b-366) [Ibidem, p. 16]. / Они смиренно просят, мой господин, чтобы они могли бы словом перемолвиться с тобой. Не откажи им в своем ответе, великодушный (учтивый) Хродгар.

Кульминацией сложного и искусного риторического построения просьбы в третьей, завершающей ритуал приема высоких гостей сцене, является прямое обращение Беовульфа к Хродгару. В нем отмечается наибольшее обилие хвалебных номинаций в его адрес и использование глагольных и именных единиц, соответствующих передаче одновременно просительного и настойчивого тона прошения (*ic biddan wile... anre bene* / «я просить / умолять бы хотел... об одной милости»; *þæt ðu me ne forwyrne* / «чтобы ты не отказал бы»):

Ис þe nu ða, / brego Beorhtdena, biddan wille, / eodor Scyldinga, anre bene / þæt ðu me ne forwyrne, wigendra hleo, / freowine folca, nu ic þus feorran com, / þæt ic mote ana ond minra eorla gedryht, / þes hearda heap, Heorot fælsian (426b-432) [Ibidem, p. 19]. / Я тебя теперь, вождя Блистательных Данов, хотел бы просить, предводителя Скильдингов, обо одной милости, чтобы ты мне не отказал бы, воинов хранитель, благородный друг людей, теперь, когда я из такого далека пришел, чтобы я мог бы один с моей дружиной, отрядом смельчаков, Хеорот очистить.

Заметим, что выделенный в перечисленных выше примерах глагол *motan* / «разрешать» в косвенных вопросах после глаголов волеизъявления признается лексически избыточным [12, p. 1972] и, следовательно, может рассматриваться скорее как маркер вежливой просьбы, чем полнозначная лексема [11, p. 257]. Таким образом, его присутствие в единственном в поэме прямом речевом акте разрешения может быть признано как выражение учтивости:

Nu ge moton gangan in eowrum gudgeatawum / under heregriman Hroðgar geseon (395-396) [3, p. 18]. / Теперь вы можете идти в ваших доспехах, под шлемами встретиться с Хродгаром.

Здесь вежливо-уважительная тональность ритуала приема почетных гостей подкрепляется и когнитивным контекстом высказывания. Героям разрешается при первой встрече с правителем датчан войти в его тронный зал во всем блеске их великолепных доспехов, чтобы наглядно показать всем присутствующим свой высокой статус и что они достойны высокого приема. Доказательством дружеского расположения и почтения к ним служат и предшествующие строки, где Хродгар отдает распоряжение Вульфгару принять благородных геатов: «...*gesaga him eac wordum þæt hie sint wilcuman / Deniga leodum*» (387-389a) [Ibidem, p. 17]. / «...скажи им также, что они желанные гости для датчан». Таким образом, отпущенное разрешение принимает характер вежливого приглашения. Сравните это высказыванием с совершенно другой по тональности следующей за приглашением фразой: «...*lætað hildebord her onbidan*» (397) [Ibidem, p. 18] / «...оставьте ваши копья и щиты здесь ожидать», где форма императива выражает безоговорочное требование, также связанное с определенным ритуалом общения при соблюдении правил обеспечения безопасности.

Давая характеристику речевого поведения Беовульфа в описанных выше эпизодах поэмы, Л. Ленгерс отмечает, что его приветствие береговому стражу было учтивым и вежливым и, несмотря на то, что смелость

и сила были важными качествами героя, выступающего в роли друга и союзника, учтивость или правильное поведение также вызывали восхищение [8].

Принимая во внимание, что героические кодекс и умонастроения все еще были живы в среде благородных семейств англо-саксонского общества, образ Беовульфа как воплощения языческого героя-воина / *hæleð*, жизнь которого была посвящена проявлению силы / *mægen*, добыче славы / *dom* и похвалы / *lof* от современников и потомков [10], можно предположить, что и соблюдение им и другими статусными персонажами норм этикетного поведения и ритуала учтвого общения в том виде как они представлены в поэме должно было заслуживать одобрения и подражания.

В заключение следует отметить, что проведенный прагмалингвистический анализ примеров вербальной коммуникации с положительной тональностью в «Беовульфе» позволил выделить целый ряд языковых средства ее выражения, которые по большей части отражают идеологические критерии героической эпохи. Рассмотренные речевые ритуалы (представление, обращение к равному себе или вышестоящему лицу, представление просьбы и т.п.) здесь фактически неотделимы от ритуализированных действий, регулирующих социальную жизнь общества и определяющих его ценности, наиболее важные для социума в определенный период его развития. В то же время материал речевых эпизодов «Беовульфа» как произведения переходной эпохи позволяет делать выводы о развитии некоторых форм «вежливого» общения в англо-саксонском раннесредневековом обществе. Под вежливостью понимается определенным образом организованное общение, имеющее целью установить положительный контакт между говорящими, способствующий их взаимопониманию при одновременном продвижении коммуникативной цели без проявления агрессии и настойчивости в строгом соответствии со статусными ролями собеседников и с обязательным эксплицитным выражением дружеского расположения, восхищения, уважения и почтения к адресату. Не претендуя на то, чтобы считать приведенные примеры устойчивым набором этикетных формул вежливости в древнеанглийском языке, мы предлагаем рассматривать их как образцы специфического для изучаемой эпохи речевого ритуала, представляющего собой сложное переплетение героической и англо-саксонской культур общения.

Список литературы

1. **Баева Г. А., Третьякова Т. П.** Развитие средств речевого этикета и ритуала // Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. проф. Г. А. Баева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. Ч. III. Речевой ритуал и этикет в диахронии германских языков. С. 55-68.
2. **Barmina Yel. G.** The Pragmatic Paradigm in Beowulf // Semantic, Lexical, Pragmatic and Cultural Studies of Old English and Anglo-Saxon England. Essays by Finnish and Russian Scholars Published in the Wake of the Post-Symposium of ISAS 2001. St.-Petersburg: St.-Petersburg University, 2002. P. 17-24.
3. **Beowulf** / edited with textual footnotes, index of proper names and alphabetical glossary by A. J. Wyatt. Cambridge: University Press, 1894. 242 p.
4. **Brown P., Levinson S. C.** Politeness: Some Universals in Language Usage (Studies in interactional sociolinguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Vol. 4. 345 p.
5. **Jacobs A., Jucker A. H.** The Historical Perspective in Pragmatics // Historical Pragmatics: Pragmatic Developments in the History of English. New Series 35. Pragmatics and beyond / ed. by A. H. Jucker. Amsterdam – Philadelphia: Benjamins, 1995. P. 3-37.
6. **Jucker A. H.** Changes in Politeness Cultures // The Oxford Handbook of the History of English / ed. by T. Nevalainen and E. Traugott. N. Y.: Oxford University Press, 2012. P. 422-433.
7. **Kohnen Th.** Linguistic Politeness in Anglo-Saxon England? A study of Old English Address Terms // Journal of Historical Pragmatics 9.1. 2008. P. 140-158.
8. **Lengers L.** The Death of Beowulf [Электронный ресурс]. URL: http://www.thesis.net/beowulf/beowulf_inhoud.htm (дата обращения: 11.07.2015).
9. **Robinson F. C.** Beowulf and Appositive Style. Knoxville: The University of Tennessee Press, 1985. 120 p.
10. **Tolkien J. R. R.** Beowulf: The Monsters and the Critics // Proceedings of the British Academy. Detroit: Gale, 2003. Vol. XXII, 1936.
11. **Tretyakova T., Tsvinaria M.** Context Pragmatics of Samples of Social Discourse in «Beowulf». Ex Philologia Lux: Essays in Honour of Leena Kahlas-Tarkka // Mémoires de la Société Néophilologique de Helsinki XC / ed. by J. Tyrkkö, O. Timofeeva and M. Salenius. Helsinki: Société Néophilologique, 2013. P. 241-260.
12. **Visser F. Th.** An Historical Syntax of the English Language: in 3 vol. Leiden: Brill Academic pub., 1973. Vol. 3. 2631 p.

PRAGMA-LINGUISTIC ASPECT OF VERBAL COMMUNICATION IN EPOS “BEOWULF”

Tret'yakova Tat'yana Petrovna, Doctor in Philology, Professor
Tsvinaria Marina Evgen'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Saint Petersburg State University
 tret'yakova.tp50@gmail.com; marina.tsvinaria@yandex.ru

The article presents the pragma-linguistic interpretation of the examples of positive verbal communication in the epos “Beowulf” with the purpose to describe its cognitive and communicative aspects and to identify the forms of its expression in the Old English language. The authors substantiate the thesis that positive communication has a ritual character and represents the specificity of historically transition period of creating the literary landmark; and also make the assumption that speech rituals in “Beowulf” can be considered as examples of formal “polite” communication in the early medieval Anglo-Saxon society.

Key words and phrases: “Beowulf”; historical pragmatics; pragma-linguistic aspect; positive communication; speech ritual; identifying and respectful politeness.